

ЛИЧНОСТЬ ХУДОЖНИКА И ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Цыпин Геннадий Моисеевич, доктор педагогических наук, профессор кафедры музыкальных инструментов МПГУ, заслуженный работник Высшей школы РФ.

 gmcip@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности художественно-творческой деятельности. Анализируется специфика музыкально-исполнительской практики. Указывается на роль персонально-личностного, суггестивного начала в искусстве. Определяется комплекс индивидуально-личностных, психологических качеств, необходимых для успешной деятельности в сфере художественного творчества.

This article represents peculiarities of artistic and creative activity. It provides analyses of the nature of musical and performance practices. The article points to the role of personal and suggestive characteristics in the art. It specifies individual, personal and psychological qualities which are necessary for successful artistic self-realization.

Ключевые слова: **художественное творчество. Персонально-личностное, суггестивное начало в искусстве. Музыкально-исполнительская практика. Особенности и свойства нервно-психической конституции человека – и его деятельность в сфере искусства.**

Keywords. **Artistic creation. Personal and suggestive characteristics in the art. Musical and performing practice. Peculiarities and characteristics of human neuro-psychic constitution – and his of her activities in the art).**

Искусство как особый вид духовной деятельности человека всегда демонстрировало многообразие видов и жанров, воплощающих различные аспекты художественного отражения действительности. В наше время, для которого характерно активное вторжение электронных ресурсов в различные сферы деятельности человека, в том числе и те, которые имеют то или иное отношение (иногда, впрочем, весьма отдалённое) к художественному творчеству, – состав видов и жанров искусства еще более расширился. При этом, чем талантливее произведение – будь то музыкальная пьеса, художественный фильм, скульптура, живописное полотно и т.д. – тем более явственно просвечивает в нём облик человека, сотворившего тот или иной художественный продукт. В этом плане наше время ничем не отличается от прошлых и будущих времён.

В сценических видах искусства (музыкальное исполнительство, театр, художественное чтение др.), где имеет место прямой и непосредственный контакт артиста с аудиторией, - **персонально личностное, суггестивное начало играет принципиально важную роль**. Не секрет, что концертирующий артист либо возвышает исполняемую им музыку, облучая её притягательным светом своей личности (это можно было наблюдать на концертах В.В. Софроницкого, М.В. Юдиной, С.Т. Рихтера, Д.Б. Шафрана

и некоторых других), - либо, напротив, низводит её до того уровня, на котором уже перестают замечаться подлинные богатства этой музыки, её «второй план». Французского живописца О.Ренуара спросили однажды: «Скажите, что важнее в искусстве – КАК делать, или ЧТО делать?». Ренуар ответил: «Важнее всего, КТО делает».

Не следует при этом смешивать два близких, но неравнозначных понятия: **личность и индивидуальность**. Индивидуальность – то, что отличает одного человека от другого, точнее сказать, от всех других; это совокупность особенных, единичных, неповторимых качеств и свойств. Личность – нечто иное. На передний план выступают тут ценности **духовного** порядка (от интеллектуальных до морально-этических включительно). Вполне возможно представлять собой яркую, неординарную, бросающуюся в глаза **индивидуальность**, не будучи, строго говоря, личностью в высоком смысле слова. Индивидуальностями **рождаются**, личностями **становятся** (либо не становятся в силу различных причин).

Говорят о «**моральном магнетизме**», который присущ крупным творческим личностям и ощущается окружающими. Другие предпочитают пользоваться выражениями типа «флюиды, струящиеся в зал со сцены», «духовное излучение, идущее от артиста к публике» и т.д. Психофизическая природа этих явлений мало изучена, однако факт их существования от этого не перестаёт быть фактом.

Нередки рассуждения об общем и различном в искусстве и науке. Между ними, как основными видами духовной, творческой деятельности человека, много общего. Но есть и различия. Действительно, не сделай, предположим, учёный «X» такого-то открытия, оно непременно было бы сделано кем-то другим. Ибо это открытие, если оно сколько-нибудь существенно, представило бы собой объективную закономерность в общей эволюции научного знания: шаг, которого нельзя было бы сделать, идя вперёд; звено, в отсутствии коего не связывалась бы вся цепь. Не Ньютон, так еще кто-нибудь, с большей или меньшей отсрочкой, открыл бы закон всемирного тяготения; не Фарадей, так кто-нибудь из его безымянных коллег во Франции, Италии или России описал бы явления электромагнитной индукции и т.д., и т.п. Нельзя обойти в поступательном движении науки – или заменить чем-то подобным, более или менее схожим, – ни одного принципиально важного открытия, не говоря уже об эпохальных, типа периодической системы элементов или теории относительности.

Иное дело – искусство. Разумеется, и оно, если судить с позиций историзма, представляет собой единый, слитный, последовательно развертывающийся процесс. И тут все построено на прочных внутренних взаимосвязях и взаимозависимостях. И всё же – не напиши, скажем, Моцарт (мало ли могло быть тому причин...) «Дон Жуана» или «Свадьбу Фигаро» – этого не сделал бы за него никто другой. Никто, нигде и никогда. Этих произведений просто не оказалось бы в сокровищнице мировой музыки – как не существовало бы «Евгения Онегина», не будь гения Пушкина; как не было бы «Моны Лизы», не родись в 1452 году в Италии Леонардо да Винчи, и

т.д. Возможно, где-то, когда-то, волей Случая по-иному сложился бы причудливо-изменчивый калейдоскоп жизненных обстоятельств – причин и следствий, человеческих и творческих судеб. Тогда, быть может, появились бы на свет другие шедевры искусства. **Другие – но не эти; здесь суть дела.** Ибо в произведении искусства всегда растворена конкретная личность того, кто его создал, что и отличает художественный шедевр от научно закономерности. Что и делает единственным в своём роде, неповторимым каждый такой шедевр, каждое значительное явление в искусстве.

Известно, люди, как правило, существенно отличаются друг от друга; отличаются по складу характера, темпераменту, внутренней энергетике и проч. И это также накладывает свой отпечаток (а не только уровень одарённости) на художественную продукцию, создаваемую ими. Размышляя на эту тему, А.Г.Рубинштейн задавал вопрос: будут ли близки по манере исполнения музыкального произведения флегматик и сангвиник, даже если оба они хорошие музыканты? И сам себе отвечал: конечно, нет.

А.Г.Рубинштейн констатировал тот факт, что на исполнительские трактовки влияет и темперамент, и тип нервной системы, и психофизиологические особенности данного конкретного индивидуума (артиста). Разумеется, это так. Можно добавить сюда и возраст, и пол, и стаж работы, опыт и многое другое. Отсюда – разнообразие творческих лиц, игровых манер и сценических обликов среди музыкантов, примерно равных по своему классу и уровню профессионализма.

Добавим лишь, что **чем этот уровень выше, тем резче, явственнее выступают индивидуальные отличия между людьми творческих специальностей, – и наоборот.**

Есть люди, которые по-настоящему хорошо делают только то, что им трудно, что требует преодоления «сопротивления материала». А потому волей-неволей они склонны всё усложнять на своём пути – как на жизненном, так и на профессиональном. Обычно это люди волевые, любящие трудности, получающие удовлетворение от самого процесса их преодоления.

Чаще, однако, встречаются их антиподы, люди иного склада. Их, подчас, именуют невротиками, хотя сам этот термин – в той дефиниции, которая распространена в быту, – весьма расплывчат в своих очертаниях. Важно в данном случае учитывать следующее. Практика мирового искусства свидетельствует, что болезненные явления со стороны нервной системы, эмоциональная неустойчивость, психастенический склад натуры – всё то, что свойственно характерам беспокойным, тревожно сомневающимися, – отнюдь не помеха занятиям художественно-творческой деятельностью. В ряде случаев даже наоборот...

«... Семейство неврозных – соль земли, – писал в своё время Марсель Пруст. – Всё великое, что мы знаем, идёт к нам от них. Они, а никто иной, основали религии и создали классические произведения. Никогда мир не узнает всего, чем он им обязан, и особенно того, что они выстрадали, чтобы дать это ему» [1, с. 45].

Действительно, незащищённость внутреннего мира художника, лёгкая ранимость его, нежность и хрупкость душевных движений (вспомним признание В.В. Софроницкого: «Я живу без кожи»), даже склонность к «самокопаниям», к тягостным переживаниям, к творческим кризисам, – всё это оборачивается, иной раз, не только минусами, но и плюсами. Люди, именуемые невротиками, обычно крайне чувствительны к внешним воздействиям; обладая тонкой восприимчивостью, они улавливают легчайшие веяния «извне» и «изнутри»; у них живое, отзывчивое, быстро возгорающееся воображение, чего лишены зачастую люди с более крепкой, устойчивой нервной организацией. Свойственна большинству невротиков и капризная смена настроений, богатство и нежная переличатость эмоциональной нюансировки, неожиданность и парадоксальность ассоциативных связей. Вряд ли надо говорить, сколько ценно всё это в искусстве. У художников с таким типом характера и нервной конституции неизменно высок вольтаж душевных переживаний, вследствие чего они реже попадают под мертвящую власть штампа в творческой деятельности, держась, по словам К.Юнга, «в стороне от протоптанного тракта».

И ещё одно примечательное свойство людей с психастеническим складом характера, идущее, сколь это ни парадоксально, во благо их работе. Они обычно любят всё **проверять и перепроверять**. Невротик, как правило, недоверчив, мнителен, подозрителен, суеверен; болезненно воспалённая фантазия вечно рисует ему всевозможные подвохи, сбои и неурядицы. Боясь каких-то просчётов, перестраховываясь от воображаемых ошибок, он нередко избегает ошибок и просчётов вполне реальных. Среди людей пунктуальных, склонных к усиленному самоконтролю, не так уж мало невротиков; хрупкость нервно-психической организации они компенсируют усиленной самодисциплиной, мобилизацией всех своих внутренних контрольных функций.

«Не искать в каждой своей душевной трудности лишь плохое, уважать в себе психастеническое» [2, с. 374], советует известный российский врач-психотерапевт М.Е. Бурно. Глубокий знаток человеческих характеров, Бурно знает, что он говорит...

Означает ли сказанное выше, что волевые качества не слишком востребованы в художественно-творческой деятельности? Нет, разумеется. В той или иной мере они востребованы **всегда и везде**. Но многое зависит в данном случае от самого вида деятельности. Одно дело работать за письменным столом, когда автор будущей рукописи (книги, партитуры и т.д.) сознаёт, что если что-то не получится сегодня, «здесь и сейчас», то получится завтра или послезавтра. И совсем иная ситуация в профессиональной деятельности актёра в театре или музыканта-исполнителя, которые, выходя на сцену, знают, что именно «здесь и сейчас» они должны быть на высоте.

Е.В. Образцова говорила: «Иногда перед самым выходом на сцену, кажется, что не сможешь сделать ни шагу. Нездоровье, какие-то личные, бытовые неурядицы, или просто плохая погода, неблагоприятно воздействующая на голосовые связки, – мало ли что может быть? Однако на сцену

всё-таки выходишь, не только появляешься перед публикой, а «выкладываешься» полностью, без остатка. Стремись достигнуть творческого максимума, предела возможного. Короче, я прибавила бы к тому таинственному психологическому комплексу, который мы называем талантом, ещё и волю. Без неё в профессии исполнителя просто не обойтись» [3, с. 54].

Зачастую не только успех от очередной встречи с публикой, но и вся профессиональная будущность артиста зависит от его волевых качеств, от степени самообладания и саморегуляции, от его способности сполна реализовать задуманное в самых неблагоприятных психологических условиях. Д.Ф. Ойстрах рассказывал, что он «знал очень талантливых людей, которые не сделали большой карьеры, не очень преуспели в концертной жизни потому, что самые решающие их выступления – вы знаете, бывают такие узловыe моменты в творческой биографии – проходили неудачно. Но настоящий артист умеет себя собрать (...) именно к данному вечеру, именно в данной программе, в каких-то особенно ответственных условиях» [4, с. 6].

Высказывания Е.В. Образцовой, Д.Ф. Ойстраха, а также многих их коллег, приводит к следующему выводу. Применительно к некоторым видам художественно-творческой деятельности, воля может быть определена не только и не столько как способность человека преодолевать разного рода препятствия и трудности, но и как **способность добиваться высоких творческих результатов в экстремальных условиях**. Иногда, говоря о воле, имеют в виду **осознанное и целенаправленное саморегулирование** человеком своей деятельности – и это тоже правильно.

Под общее, универсальное определение воли, принятое в современной психологии, подпадают, естественно, как «под шапку», самые различные виды человеческой деятельности. В то же время, большинство из них имеет свою вполне определённую специфику, а, следовательно, специфичны и различные проявления волевых качеств у человека. Есть свои особенности и у деятельности музыканта-исполнителя, предъявляющие достаточно жёсткие требования к его характеру, складу натуры, его физическим и психическим свойствам, его **воле**. Известно, например, что профессия исполнителя предполагает регулярные занятия на музыкальном инструменте (если речь идёт о пианистах, скрипачах, виолончелистах и др.), причем занятий, не зависящих от настроения, от «хочу» или «не хочу»; занятий, требующих полной мобилизации внутренних сил человека. Понятно, что в этих условиях воля становится необходимым компонентом творческой жизнедеятельности исполнителя – на какой бы ступени профессиональной иерархии он ни находился.

Далее, музыкальные занятия сопряжены не только с большими затратами времени и сил. Они предполагают также умную, высокопродуктивную, хорошо отлаженную организацию труда. Продуктивное волевое действие представляет собой, как правило, «целенаправленное действие», - такова была точки зрения выдающегося российского психолога С.Л. Рубинштейна. Практика подтверждает правильность этого тезиса, однако

правильно и обратное: всякое продуманное и целенаправленное действие является в основе своей волевым.

Нужна музыканту воля и для того, чтобы в максимальной степени реализовать в исполнении свои художественные намерения и задумки, со «снайперской точностью» попадать в намеченные цели. Никакие «вообще», «приблизительно», «в общих чертах», «около» и т.п. не устроят требовательного музыканта, а эта постоянная и бескомпромиссная требовательность и является, если вникнуть, одним из характерных проявлений подлинно волевой природы.

Наконец, специфика профессии, её, можно сказать, атрибутивное свойство и в том, чтобы уметь **владеть собой** в условиях публичного выступления, не поддаваться паническим состояниям, не терять присутствия духа, уверенности в своих силах. Артистическое самообладание, саморегуляция, внутренняя собранность в процессе сценического творчества – всё это тоже **прерогатива воли**. В отсутствие таковой музыкально-исполнительская деятельность по существу бесперспективная и бессмысленна.

Можно добавить к сказанному, что далеко не каждое публичное выступление, как известно, бывает удачным. А неудачи чреваты кризисами, разочарованиям, мучительными сомнениями, разного рода невротическими состояниями. Воля как таковая от кризиса, понятно, не оградит, но пережить и укоротить кризисный период она может помочь. Как может и уберечь от нежелательных последствий кризиса, вернуть человека в нормальное рабочее состояние.

Повторим: профессия музыканта-исполнителя требует воли; последняя безусловно входит в качестве важной психологической составляющей в структуру музыкально-исполнительской одарённости. Но, предполагая наличие воли, более того, делая её необходимой, музыкально-исполнительская деятельность в свою очередь **развивает, стимулирует эмоционально-волевые качества человека**. И это обстоятельство также надо учитывать преподавателю-практику, работающему в системе музыкального воспитания и образования.

Воля проявляется, в частности, в способности музыканта «адекватно», без паники отреагировать на случайную техническую помарку, неточность, сбой во время публичного выступления. Главное, чтобы это не вышло из колеи. А так бывает, к сожалению, с чрезмерно нервными и внутренне неустойчивыми натурами. Стоит им споткнуться в начале выступления – и остальное идёт уже чуть ли не насмарку. В.Третьяков по этому поводу говорит: «Главное здесь – не растеряться. Выпутаться, выкарабкаться, побыстрее проскочить неудавшееся место. И затем (самое важное!) не только не упасть духом, но, напротив, заиграть с еще большей энергией и подъёмом. У меня в подобных обстоятельствах всегда возникает ощущение внутреннего противодействия: нет, не поддамся этой неудаче, не дам себя сломить нелепой случайности!» [5, с. 253].

Деятельность человека, как известно, являет собой сложное интегративное единство нескольких составляющих. Важнейшие из них – **субъект деятельности** (индивид) – и **объект деятельности** (то, что она представляет собой, её конкретный вид, содержание, её «предметность»). Между первым и вторым, как было показано выше, существуют прочные взаимосвязи и зависимости: **одно определяет другое и, в свою очередь, определяется этим другим.**

Музыкально-исполнительское искусство наглядно и убедительно подтверждает эту базовую психологическую закономерность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арнаудов М. Психология литературного творчества. – М., 1970.
2. Бурно М.Е. О характерах людей. – М., 2005.
3. Цыпин Г.М. «Психология музыкальной деятельности» - М., 1994.
4. Ойстрах Д.Ф. Журнал «Музыкальная жизнь», 1988, № 21, с. 6.
5. Цыпин Г.М. Психология музыкальной деятельности. – М., 1994.